ство. Не все в практической реализации указанной выше программы в этом представлении бесспорно и удачно, однако опыт коллектива в целом и его поиски новых решений поставленной задачи заслуживают внимания и научного анализа специалистов. Проблема возрождения народных традиций в современном театре становится весьма актуальной, и квалифицированная помощь театру со стороны этнографов и фольклористов совершенно необходима. Приходится сожалеть, что на симпозиуме не было польских специалистов в области фольклора.

Независимо от экспериментов в области театральной практики сама по себе зрелищно-игровая культура народных масс заслуживает бо́льшего внимания, чем ей до сих пор уделяли этнографы, фольклористы и театроведы. После VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук (Москва, 1964), где работала секция «Народный театр и хореография», Люблинский театроведческий симпозиум 1980 г. оказался первым международным совещанием, специально посвященным народным традициям в области театрального искусства. Было бы желательно обсудить эту проблему на одной из предстоящих этнографических или фольклористических международных конференций при более активном участии специалистов из социалистических стран. Думается, что пришло время провести и специальную конференцию советских этнографов и фольклористов, посвященную зрелищно-игровой культуре, по образцу Ленинградской конференции 1971 г.[2] Было бы хорошо также подготовить и издать коллективный труд о фольклорном театре народов СССР.

В заключение хочется отметить, что симпозиуму было уделено большое внимание со стороны руководства Люблинского воеводства и местных учреждений культуры, на него откликнулись польская пресса и радио. Успеху симпозиума способствовала большая подготовительная и организационная работа (председатель оргкомитета Марек Збиковски).

Что касается автора настоящей информации, то участие в Люблинском симпозиуме не только удовлетворило его профессиональные интересы, но и принесло большую радость еще и потому, что по счастливому стечению обстоятельств позволило ему вновь посетить те места, где он несколько лет назад проводил полевую работу по собиранию польских партизанских песен[3].

Как представителю советской науки мне всюду было оказано дружеское гостеприимство, за что я глубоко признателен и организаторам симпозиума, и местным ветеранам второй мировой войны, и коллегам, и студентам Люблинского университета.

В. Е. Гусев

---

[2] См. «Сов. этнография», 1972, № 2, с. 128—131.
[3] См.: *В. Е. Гусев*. Поездка в Польшу.— «Сов. этнография», 1974, № 3.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ НА IX НАУЧНОЙ СЕССИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

На историческом факультете Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова стали традицией ежегодные научные сессии по проблемам всеобщей и отечественной истории. Очередная, девятая, сессия проходила с 7 по 14 февраля 1980 г. Активное участие в ее работе приняли преподаватели, аспиранты и студенты кафедры этнографии и антропологии, сотрудники Института этнографии АН СССР и Государственного музея этнографии народов СССР.

Обсуждение современных проблем этнографии и антропологии было начато на пленарном заседании с доклада Р. Ф. Итса «Ленинская теория национального вопроса и ее современное значение» и продолжено на секции этнографии и антропологии, работавшей 8 и 11 февраля.

Доклады первого дня были посвящены этнографии, этнической истории и этнической антропологии народов Восточной Европы и Северного Кавказа. Проблема расселения древнеболгарских этнических групп в VII—X вв. в центральной части Предкавказья (Ставропольская возвышенность) была рассмотрена в докладе А. В. Гадло «Новые материалы к этнической истории Северного Кавказа». Опираясь на полевой палеоэтнографический материал, собранный во время экспедиций, организованных кафедрой в 1972, 1973 и 1979 гг., автор подробно охарактеризовал культуру древнеболгарского этнического массива данного района и высказал гипотезу, что открытые многочисленные поселения принадлежали древнеболгарской родо-племенной группе Дуло, известной в арабских источниках X в. под названием «тулае» и входившей в Хазарский каганат.

О результатах анализа культов и обрядов пермских финно-угров, связанных с жилищем, говорилось в докладе Н. М. Теребихина. Система обрядов каждого этноса, считает докладчик, является важным источником для изучения категорий его обыденного сознания, в частности категорий времени и пространства. По мнению Н. М. Теребихина, в обрядах, связанных с жилищем, оппозиция «мы — они», лежащая в основе этнического самосознания, выступает как противопоставление «своего» и «чужого» пространства, «нашего» и «того» дома.

А. Финченко в докладе «К истории русских народных музыкальных инструментов в конце XVIII — начале XIX вв.» изложил основные теории о происхождении и бытовании русских народных инструментов. Докладчик утверждает, что с конца XVIII в. в их составе происходят значительные изменения: повсеместно исчезает из практики домра, имевшая широчайшее распространение в России в XVI—XVII вв. в среде скоморохов. На смену ей приходит балалайка, быстрое внедрение которой в музыкальный быт автор объясняет сменой музыкального стиля и появлением первых инструментальных ансамблей. В поисках более богатых звуковых возможностей были предприняты попытки усовершенствования бытовавших ранее инструментов, примером чего служат видоизмененные пастушеские трубы из Олонецкой губ., хранящиеся в ГМЭ народов СССР.

Т. Щепанская на конкретных примерах показала сохранение и существование у восточных славян пережитков культа медведя.

В докладе Н. Н. Цветковой были представлены новые материалы по этнической антропологии мордвы, подтверждающие сложность ее расового состава. Основной фактор в формировании антропологического облика мордвы — широкое смешение различных расовых типов, а в позднее время — усиление этнических контактов эрзи и мокши.

Второй день работы секции был посвящен этнической истории народов Сибири и некоторым аспектам этнографии зарубежных стран. В докладе Д. Г. Савинова еще раз был поднят вопрос о сибирских коновязях (якутское *сергэ*), известных в настоящее время и у других народов Сибири — алтайцев, хакасов, тувинцев, барабинских татар, бурят. Автор высказал предположение о семантической, функциональной и декоративной близости *сергэ* с ранними конструкциями псалий (деталь конской узды).

Характеристика лодки-нарты у народов Западной Сибири была дана в докладе В. А. Козьмина, обстоятельно рассмотревшего вопрос об отношении лодки-нарты к копыльной нарте и к саамской кереже. По его мнению, наиболее вероятным прототипом копыльной нарты, распространенной в охотничье-рыболовецких коллективах таежной зоны Западной и Южной Сибири, является соединение лыж с волокушей.

Два доклада — Ф. Васильева и В. Дьяченко — были посвящены якутской тематике. В. Дьяченко сопоставил якутские олонхо и героические сказания других народов Сибири и отметил исключительную близость сюжетов, фольклорных традиций и персонажей тюркских сказаний. Родство фольклорных мотивов тюркских народов Сибири, по мнению автора, вызвано существованием некогда единого этнического субстрата, принявшего активное участие в формировании этих народов. Таким субстратом могли быть многочисленные кыпчакские племена.

В сообщении П. Белкова на основе новых антропологических, археологических, этнографических и лингвистических данных был рассмотрен вопрос об участии австронезийцев в этнической истории Японии.

Л. Попова рассмотрела религиозную ситуацию в современной Индии и подчеркнула многообразие, неоднозначность и противоречивость влияния индуизма на другие конфессиональные системы страны.

Доклады, прочитанные на сессии, вызвали большой интерес и оживленный обмен мнениями.

Н. Н. Цветкова

МАКЛАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

8 апреля 1980 г. в Секторе Австралии, Океании и Индонезии Ленинградской части Института этнографии АН СССР проводились вторые (первые прошли в апреле 1979 г.) Маклаевские чтения, посвященные проблемам изучения народов этого региона, жизни и деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая. В них приняли участие сотрудники ряда секторов Института этнографии, а также их коллеги из ЛГУ и ВГО.

Доклады были посвящены этнографии — как прикладной, так и теоретической, археологии, языкознанию и литературоведению, биографии Н. Н. Миклухо-Маклая.

Как и в 1979 г., Маклаевские чтения вызвали значительный интерес.

Доклад И. К. Федоровой (Ин-т этнографии АН СССР) «О семантике скульптурных и резных изображений в культуре маори» (на материалах коллекции МАЭ) был посвящен интерпретации некоторых сюжетов резьбы на предметах материальной культуры маори. В этой резьбе присутствуют мотивы, свойственные маорийскому искусству в целом, а также образы, параллелей к которым пока найти не удалось. Мотивы и сюжеты резьбы, созданные творческим воображением маорийских резчиков, как считает автор, стимулировали появление новых эпизодов и образцов в фольклоре Новой Зеландии. В свою очередь система образов и сюжетов способствовала дальнейшему обогащению и развитию маорийского искусства.

В докладе Е. В. Ревуненковой (Ин-т этнографии АН СССР) «Некоторые комментарии к суфийской поэзии малайского средневековья (в связи с проблемой шаманизма)» была кратко охарактеризована история проникновения суфийских идей в Индонезию. При рассмотрении известного суфийского произведения «Поэма о лодке» докладчица особое внимание обратила на то, как используется в нем образная символика малайских традиционных заклинаний, связанная с шаманским комплексом. Подчеркивается, что автор «Поэмы о лодке» Хамзах Фансури был выразителем шаманско-поэтического действа. Говоря о причинах восприятия суфийской доктрины в рамках шаманских представлений, докладчица отметила глубокое внутреннее сходство малайских понятий о жизненной субстанции с суфийской онтологией, с принципами пантеистического монизма.

В докладе Н. А. Бутинова (Ин-т этнографии АН СССР) «Клод Леви-Стросс— этнограф и философ» высказана мысль о связи концепций Леви-Стросса с кибернетикой, в особенности с кибернетической лингвистикой. Докладчик подчеркнул, что следует четко различать структурный метод, родоначальником которого в изучении фольклора был советский ученый В. Я. Пропп, и структурализм Леви-Стросса, отождествляющего культуру с языком, а человека неолита с компьютером и ищущего первопричины культуры в бессознательном. Леви-Стросс, считает автор, поставил знак равенства между языком и культурой, определив их как два однотипных вида информации. С этих позиций он подходит к культуре доклассовых обществ, трактуя ее как закодированную информацию, и пытается ее декодировать, т. е. вывести все разнообразие брачных норм, систем родства, мифов и т. д. из простейших бинарных оппозиций, коренящихся, по его мнению, в подсознании.

Доклад П. Л. Белкова (ЛГУ) «К вопросу об австронезийцах в Японии» был посвящен проблеме контактов древнего населения Японии с малайе-полинезийскими народами. На основании некоторых археологических данных докладчик высказал предположение о наличии двух волн переселенцев в Японию из Австронезии. В III тысячелетии до н. э. с Тайваня, видимо, прибыли предки современных гаошань, о чем свиде-